

СВОБОДА ИЛИ ЖИЗНЬ

с мото клубом «Хулиганы»

Евгений Путилин
Эмиль Ахундов

2026 г.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П90

Путилин, Евгений Юрьевич.

П90 Свобода или жизнь с мотоклубом «Хулиганы» / Евгений Путилин, Эмиль Ахундов. — Москва : Путилин Е., 2026. — 352 с.

В мире, где свобода — это не лозунг, а выбор между жизнью и смертью, Влад, бывший страховщик с разбитыми иллюзиями, падает в бездну отчаяния. Потеряв всё — работу, дом, веру в людей, — он мчится по ночной трассе на старом мотоцикле, не зная, что впереди ждёт не конец, а начало. Авария, как удар судьбы, приводит его в мотоклуб «Хулиганы» — братство изгоев, где правила жизни предельно просты.

Здесь, среди рыка моторов и шрамов прошлого, Влад становится Бесом. Седой, Жанна, Ника, Палыч и остальные — ангелы в кожаных куртках — учат его верить заново: спасать сирот из детдома и находить свет в темноте предательства. Но цена свободы высока: когда один из своих жертвует жизнью ради правды, клуб встает плечом к плечу, напоминая, что настоящая сила — в тихом «мы не бросим».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

**Путилин Евгений Юрьевич
Ахундов Эмиль Ильгар Оглы**

СВОБОДА ИЛИ ЖИЗНЬ С МОТОКЛУБОМ «ХУЛИГАНЫ»

Издано при технической поддержке издательства «Эксмо»

Издается в авторской редакции

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарушы ел: Ресей Федерациясы

Дата изготовления / Подписано в печать 19.02.2026.
Формат 84х108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2000 экз. Заказ

ISBN 978-5-6055141-9-0

© Евгений Путилин, Эмиль Ахундов, текст, 2026
© Оформление ООО «Паблিশ Системс»,
Метранпаж, Онлайн-сервис верстки книг, 2026

*Настоящее издание предназначено
исключительно для лиц, достигших
18-летнего возраста. Любые
совпадения имен, фактов, событий
и обстоятельств с реальными
людьми или событиями являются
случайными и непреднамеренными.*

Часть I: Падение

Глава 1. Блеск и тени

Зал сиял. Белые скатерти натянуты так, будто их выглаживали целый день; на каждом столе букеты, похожие на рекламные картинки, только живые. Пианино в углу играло само — звук мягко расплывался под гул голосов. Благотворительный вечер: костюмы, смех, тонкие бокалы, которые официанты держали так, будто несли в ладонях хрусталь из музея.

Влад шел по ковровой дорожке, как хозяин бала, хотя был лишь приглашенным топ-менеджером. Он чеканил шаг, туфли блестели, часы сверкали при каждом движении руки. Сзади — Алина, его жена, стройная, в платье из тонкой ткани, будто светилась. Она умела улыбаться так, что все видели в ней женщину успешного мужчины.

— побыстрее, — Влад бросил через плечо официанту, который, не заметив его, задел локтем поднос. Бокалы задребезжали. — Руками трясешь, как будто первый день вышел.

Официант склонил голову, пробормотал извинение. Влад даже не взглянул, лишь поправил туго завязанный галстук. Он уже нашел глазами своего коллегу у стойки и двинулся к нему, расправив плечи.

Алина тихо коснулась его локтя:

— Ты мог бы хотя бы раз промолчать.

— И позволить, чтобы это выглядело так, будто я не замечаю? — Влад усмехнулся. — В таких местах все видят. Уважение зарабатывают с порога.

Она вздохнула и поправила браслет, больше для того, чтобы занять руки.

Они влились в толпу: столики, смех, мужские рукопожатия, женский шепот за бокалами вина. Влад чувствовал себя в своей стихии. Он ловил взгляды, подмигивал знакомым, в нужный момент поддакивал, в нужный — остро подшучивал; его смех был чуть громче, чем у остальных, его жесты — на полтона увереннее. Здесь все было знакомо: разметка влияния на полу, как у парковки — красные ковровые «места» для важных, серые пятна для тех, кто вынужден стоять.

— Влади-слав! — Протянул к нему руку сухощавый мужчина с серебряными запонками в виде якорей. — Как проекты?

— Проекты — это когда есть риск, — Влад усмехнулся, пожимая руку. — А у нас — всегда математически выверенные победы.

— О, — мужчина кивнул в сторону сцены, где с микрофоном маячил ведущий, — сегодня будешь говорить?

— Если попросят, — сказал Влад, будто речь шла о милости.

Алина улыбнулась не вмешиваясь. Она стояла чуть позади, как идеальная тень — подчеркивая его фигуру.

Официант принес шампанское. Влад взял бокал, посмотрел на пузырьки и поймал себя на раздражении: слишком теплое.

— Скажи бару, что подача — теплая, — бросил он официанту. — Или это фишка сегодняшнего вечера — теплое шампанское для горячих сердец?

Кто-то рядом нервно хихикнул. Официант кивнул и исчез.

— Ты иногда перегибаешь, — шепнула Алина.

— Иногда? — Влад усмехнулся. — Это как иногда быть богатым. Ты либо есть, либо нет.

Она отвернулась, глядя на пианиста. Тот, худой, лысеющий, играл с улыбкой, и пальцы у него бежали по клавишам безупречно. Влад отметил — профессионал. Профессионалов он уважал, пока они оставались на своем месте.

Сцена завелась: ведущий объявил благотворительный лот — картину местного художника. Люди посмотрели, оценили, приподняли брови. Влад даже не обернулся — искусство его не интересовало, если только оно не висело на его стенах и не кричало «дорого».

— Пойдем, — он взял Алину под руку. — Там наши.

«Наши» — это люди, которых он считал равными: топы, владельцы, сидящие на потоках. Их смех был низким, как у моторных катеров, и такой же безопасный для них самих — на мель они не сядут, они в курсе глубин и камней. Влад любил этот звук. Он врзался в него, как в теплую воду.

— Влад! — хлопнул его по плечу высокий бородач в идеальном пиджаке. — Где ты пропадал?

— Работал, — ответил Влад. — Вы же знаете, я иногда этим балуюсь.

Смех. Мужчины отступили, освобождая ему место, и Влад встал в круг. Алина прильнула к его локтю, словно случайно. Она выучила эти движения до автоматизма.

— Кстати, — сказал бородач, — слышал про новый кейс? Там такая дыра, что...

— Ничего, — прервал Влад. — Дыры — это для тех, кто не умеет считать.

Он улыбнулся, наклоня бокал. Пузырьки снова были теплыми. Внутри щелкнуло раздражение.

— Ты прям сегодня острый, — кто-то сказал. — Как бритва.

— Бритва должна быть острой, — отозвался Влад. — Иначе зачем она?

Алина послала ему взгляд: «Хватит». Но он не собирался останавливаться. Ему нравилась эта сцена: он — центр, слова — как монеты, которыми он щедро осыпает окружение. Единственное что его раздражало — туго завязанные шнурки на новых ботинках. Он не давал лишних чаевых официантам, но разбрасывался репликами. Ему казалось, это умный обмен: дешевые слова — на дорогое впечатление.

На сцену поднялась женщина в серебристом платье и прочла короткую речь о детях, больнице, о том, что каждый рубль спасает чью-то жизнь. Люди кивали, фотографировали, кто-то показывал сердечки пальцами. Влад вежливо улыбался. Внутри у него было пусто — он умел выключать сочувствие, как выключают кондиционер: щелк.

— Алина, — сказал он, не отводя глаз от сцены. — У тебя помада на зубах.

Она сжала губы, провела языком, не глядя на него. Он снова улыбнулся: контроль — это когда видишь то, что другим невидимо.

Официант вернулся с новым шампанским. Влад сделал глоток. Холод порадовал его так, будто восстановили справедливость.

— Так-то лучше, — сказал он и чуть наклонил голову в сторону официанта. — Учись.

Официант кивнул. В его глазах промелькнуло что-то похожее на усталость. Влад не заметил. Ему было все равно. Он уже смотрел на группу у противоположной стены, где стоял Мельников — хозяин этого вечера.

И все же пока — вечеринка, музыка, запах дорогого парфюма и лака для волос, и Алина рядом, как теплая лампа. Влад чувствовал себя на своем месте.

Он не менял шага когда круг «своих» слегка разомкнулся, пропуская к нему нового участника — худого мужчину с нервной улыбкой и идеально выглаженным карманным платком.

— О, — сказал худой, будто репетировал реплику заранее. — Я как раз вспоминал вас, Влад. Ваш комментарий к рынку по третьему кварталу — блеск.

— Блеск — это глянец, — ответил Влад. — А я предпочитаю резать до метала.

Худой хихикнул. Он держал бокал двумя пальцами, как шприц, опасаясь уколотся.

— Знаешь, — бородач наклонился ближе, — тут обсуждали одну историю. У вашего отдела новый продукт. Слышал, что там дикие комиссии.

— Слышал, — Влад улыбнулся, не показывая зубов. — Под дикостью обычно подразумевают, что кому-то придется платить справедливо.

— Мы же понимаем, — вмешался четвертый, с большим телефоном, — что справедливость — это когда платят другие.

Смех. Влад улыбнулся шире.

— Справедливость — это когда все знают правила. А кто не знает — тому скажут.

Алина слегка толкнула его локтем. Она умела это делать незаметно, снаружи — жест близости, внутри — предупреждение.

— Ты чего? — шепнул он не глядя.

— Чуть мягче, — сказала она. — Здесь благотворительность. Люди пришли пить и чувствовать себя хорошими.

— Тем более, — сказал он. — Значит, мы помогаем им чувствовать себя хорошими грамотно.

Сцена сместилась: к ним подошел Мельников. Он двигался не быстро и не медленно, как человек, которого везде ждут. На нем сидел темный костюм, как латы. Лицо без особой мимики, глаза, в которых иногда появлялся огонек интереса — как свет фар в тумане.

— Вечер, — сказал Мельников. — Рады видеть вас, Владислав.

— Взаимно, — Влад поднял бокал ровно настолько, чтобы это выглядело как приветствие, а не тост. — Отличная организация.

— Команда старалась, — сказал Мельников. — А как ваш отдел?

— Работает, — ответил Влад. — План перевыполним.

— Люблю оптимистов, — сказал Мельников. — Но еще больше люблю людей, которые носят на руках цифры, а не слова.

— У меня для цифр отдельные руки, — ответил Влад.

Кто-то рядом приснул. Мельников чуть улыбнулся — самым кончиком губ. Алина улыбнулась тоже, но глаза ее на секунду задержались на лице Мельникова: между ними было невидимое электричество — не флирт, а простая, холодная оценка.

— Хорошего вечера, мне надо срочно домой — сказал Мельников и отошел.

Окружение шумно выдохнуло, как после волны. Влад внутренне отметил — все как всегда: он умеет держаться рядом с крупными хищниками и не казаться добычей. Он идеально чувствовал дистанцию, нужную, чтобы быть замеченным, и не настолько близкую, чтобы мешать.

— Слушай, — сказал худой с платком. — А правда, что вы закрыли кейс по одному очень... сложному клиенту? Там, кажется, судился народ?

— Правда, — сказал Влад. — Но это было несложно. Сложно — это когда у клиента мозги и адвокаты. Там было что-то другое.

— Что?

— Шум, — ответил Влад. — Шум и позы.

Он улыбнулся без тепла, смакуя чужое уважение как стаут — темное, в меру горькое.

— Алина, — вдруг сказал он, будто случайно вспоминная, — почему ты молчишь?

— Потому что мне нравится смотреть, — сказала она. — Это как цирк. Тебе кидают горящие кольца, а ты через них прыгаешь не обжигаясь.

— Мы с тобой одна команда, — сказал Влад, как констатацию.

— Всегда, — подтвердила она. И отпила шампанского.

Сцена сдвинулась, как бы сама собой: ведущий объявил следующий лот — ужин с известным шефом. Кто-то поднял карточку, кто-то сопровождал шуткой, смех прокатился волной.

Влад медленно перевел взгляд через зал. Большие окна вели на террасу; за стеклом — ночной город, огни машин и монолитная темнота реки. Он ощутил странное: будто в стекле, поверх отраженной толпы, всплыла чужая комната, чужая спина, женская рука, сгребаящая вещи в сумку. Мгновение — и все исчезло. Он моргнул, хмыкнул, отогнав наваждение.

— Ты в порядке? — спросила Алина.

— Подышу, — ответил он. — Вернусь.

Он прошел между столиками, слегка касаясь кончиками пальцев спинок стульев — как пианист, пробегающий гамму перед выходом. Дверь на террасу мягко дала ход. Ночной воздух был прохладным и пахнул мокрым деревом — на парапете росли ящики с туями, политые к ночи. Влад поставил бокал на широкую балюстраду и наклонился вперед.

Город был у его ног. Он любил это чувство. И любил, что его любят.

Слева затлел огонек сигареты — кто-то стоял в тени колонны и не спеша курил.

— Хороший вид, — сказал человек.

— Такой же каждый год, — ответил Влад. — Это и хорошо. Стабильность.

— Стабильность — это миф, — сказал человек и сделал затяжку. — Но приятный.

Влад не повернулся. Он улыбнулся своему отражению в стекле — и пошел обратно в зал.

Он не заметил, как в глубине, за сценой, где-то в служебном коридоре, распахнулась черная дверь. Там, далеко от света и музыки, другая дверь хлопнула иной жизнью. Ему казалось, что все находится под контролем. И пока это было правдой: музыка, вино, его шутки, взгляд Алины, мягкий хруст ковра под подошвами. Все как надо. Он возвращался в круг, когда мимо промчался тот самый официант с теплым шампанским — теперь уже с холодным — и едва не задел его плечом. Влад остановился на шаг.

— Осторожнее, — сказал он тихо, не повышая голоса. — Ты второй раз сегодня пытаешься меня сбить.

Официант замер, будто уперся в стекло. За секунду до его ответа ведущий загремел в микрофон, и зал разом взорвался аплодисментами. Влад улыбнулся краем рта: мир снова подыграл ему, прикрыв паузу. Он сделал шаг и вошел в свет.

Свет заливал не только зал, но и широкие стеклянные двери, он — как будто вытекал из окна на улицу, по ступеням вниз, на асфальт, пересекал проспект в теплом блике такси, скользил по капоту, взлетал на мост, врезался в прохладный воздух над рекой, огибал дом за домом и, истончившись, ложился в узкий коридор чужой квартиры — той самой, где телепалась на цепочке голая лампочка и пахло дорожными духами, смешанными с холодом.

Спустя несколько часов

Лариса держала чемодан за пластиковую ручку, как за поводок. Рука дрожала. На столе стыл недопитый бокал: в нем дрожала золотистая жидкость, оставив на стенке жирный отпечаток губ. В коридоре, у стены, стояли ее туфли — тонкие, как два лезвия.

— Ты не уйдешь, — сказал мужской голос из комнаты. Не громкий, но такой, от которого замолкают. — Не так.

Лариса не обернулась. Она быстро сунула внутрь чемодана пакет с косметикой, закрыла молнию рваным движением, как будто перерезала связь.

— Именно так, — сказала она. Голос ровный, усталый, без истерики. — Я ухожу.

Смех. Тихий.

— Ты всегда чаще уходила, чем приходила.

Она взяла бокал, сделала глоток. Вино было теплым, словно остывающий чай. Она поморщилась, поставила бокал так резко, что он качнулся и подпрыгнул; вино плеснуло через край и, зацепившись, потекло по ножке на стол. Лариса посмотрела на пятно — золотой овражек.

— Ненавижу теплое, — сказала она. — В теплом быстро мелькают запахи.

— Тебе все равно, — сказал голос. — Ты смазываешь запахи парфюмом.

Она улыбнулась: все-таки он остроумный. Всегда был. За это она его и терпела.

— Дай ключи, — сказала она. — И останови свою службу внизу. Мне не нужны провожатые.

Пауза. Слышно было, как за стеной капает вода в ванной: кап — пауза — кап — еще. Нервы жили у нее отдельно, как сломанные часы.

— Я тебя подвозил, — сказал мужчина. — Я тебя поднимал. И я тебя же — опущу. Ты всегда легко опускаешься.

Она медленно повернулась. У нее были красивые плечи и некрасивые глаза — не по форме, по выражению. Они смотрели так, будто в мире не осталось удивлений.

— Ты будешь говорить и потом, — сказала она. — Когда я уйду. Ты будешь рассказывать, как было. Говорить — вот твоя любовь.

— Моя любовь — структура, — ответил он. — Структура отношений. Она работает, когда детали на месте. А ты — не деталь. Ты — поломка.

— Я — поломка, — согласилась она и шагнула к нему, близко-близко. — Но я же тебя так долго устраивала. Чего ты?

Он посмотрел на ее губы, на кольцо, на серьги.

— Устраивала, — сказал он. — Пока устраивал мальчик.

Ее бровь дрогнула — почти незаметно.

— Не трогай его.

— Поздно, — сказал он. — Он давно тронут. Тобой. Твоими «уходами». Твоим возвращением с губной помадой другого оттенка. Твоими «это работа». Он из твоих. Он будет думать, что все — про статус. А все — про деньги.

— Все — про выжить, — ответила Лариса. — И ты это знаешь лучше меня.

Он усмехнулся. Подошел к тумбе у двери, снял с крючка ключи и кинул ей. Она поймала.

— Иди. Я не остановлю охрану. Я скажу, что ты — мусор, который сам вышел на лестничную клетку.

— Скажи, — ответила она. — Ты умеешь говорить.

Она подняла чемодан. Дернула за ручку. Колеса стукнули о порог.

— Лар, — сказал он, вдруг почти ласково. — Я же не просто так все это делал. Я инвестиции люблю не меньше людей.

— И что?

— Я жду дивидендов.

— Ты их получил, — сказала она. — В виде веса в словах.

— Я хочу больше, — сказал он. — И я возьму.

— Возьми, — отозвалась она и повернулась к двери. — Там, где ты умеешь. В городе. На звонках. В банках.

— И у мальчика, — добавил он, почти лениво.

Она остановилась. Медленно повернула голову. Улыбнулась как-то криво, так, что улыбка получилась не радостной, а голодной.

— Он не мальчик, — сказала она. — Он — мой сын.

— Тем более, — ответил он. — Дети — лучшие крючки. Ты этому сама меня учила.

Она сделала шаг и хлопнула дверь, как замыкают цепь. В коридоре пахло лестничной пылью и мытым ковролином. Внизу, на первом этаже, сидели двое охранников; один играл в телефон, другой пил чай из стеклянного стакана с подстаканником. Лариса остановилась, вслушалась в звук собственных каблучков — это был звук свободы. Или просто эхо. Она не умела отличать.

Она вышла на улицу. Ночь была сырая. Такси подъехало через минуту.

- Куда? — спросил водитель.
- В любой отель, — сказала она. — Хороший.
- Хороший — это какой?
- Где не спрашивают, откуда ты пришла.

Мотор зарычал. Машина мягко тронулась. Свет города на секунду промыл ее лицо. Она не оглянулась.

А наверху, в квартире, мужчина — Мельников — стоял у окна. Он не пил. Он смотрел вниз, как смотрят на людей в аквариуме: оценивая скорость плавников. Его телефон лежал на столе лицом вниз. Ему не пришлось звонить — он набирал людей мысленно, расставляя слова в нужном порядке.

Город вращался. В далеком зале, где играл пианист, тонули в аплодисментах новые лоты, шуршали платья, и Влад бросал кому-то очередную фразу, выглядел на фотографиях остро, как скальпель.

Лариса закрыла глаза на секунду и увидела его маленьким — в дешевой куртке, с оторванной пуговицей. Она открыла глаза и приказала себе забыть. Это не помогает жить. Помогает — чемодан на колесиках, карточка, телефон без имен. Все остальное — истории для тех, у кого вино всегда теплое.

Такси свернуло. Ночь схлопнулась вокруг нее, как сумка-мешок.

Музыка стала громче — кто-то наиграл что-то веселее, чтобы оживить зал, но Влад не обратил внимания. Он стоял у высокого столика вместе с группой знакомых — в основном те самые топ-менеджеры, которых он привык считать ниже себя. Они все улыбались, поддерживали беседу о новых инвестиционных проектах, о рынке страхования. Влад слушал краем уха, кивая, делая вид, что все это ему интересно. На самом деле он считал их разговор жалким набором клише для тех, кто не способен мыслить шире.

Он дождался момента, когда разговор иссяк, и с легкой усмешкой бросил:

— Ну, если у кого-то еще остались иллюзии насчет роста в этом квартале — добро пожаловать в реальность. Я бы вам показал цифры, но, боюсь, они вас травмируют.

Коллеги засмеялись, но смех был нервным. Влад это почувствовал и наслаждался мгновением — ему нравилось давить и показывать свое превосходство.

И тут, словно специально, мимо пронесся официант с подносом шампанского. Тонкий бокал качнулся, капля упала на лакированную поверхность столика. Капля — крошечная, никому бы и в голову не пришло обращать внимание. Но Влад сразу ухватился за нее.

— Ты что, ослеп? — голос его прозвучал громко, резанул тишину в кругу гостей. — Это костюм из Милана, а не тряпка для твоих экспериментов.

Официант застыл, выпрямился, бледный как полотно.

— Простите, — выдохнул он. — Я сейчас...

— Сейчас? — перебил Влад, поворачиваясь так, чтобы его слышали все вокруг. — Сейчас ты протрешь стол, поменяешь поднос и попробуешь хотя бы один вечер работать так, чтобы люди не задавались вопросом, где нашли такого криворукого официанта.

Зал будто задержал дыхание. Несколько женщин переглянулись. Один мужчина усмехнулся, будто поддерживая Влада. Алина, наоборот, слегка напряглась, но промолчала.

Официант торопливо вытер стол салфеткой, а Влад, не дожидаясь, пока тот закончит, уже взял бокал с подноса и сделал глоток, глядя прямо на остальных гостей.

— Видите? — сказал он холодно. — Даже это шампанское он подает так, что руки трясутся.

Кто-то из гостей неловко засмеялся. Другие молчали. Влад почувствовал, что достиг нужного эффекта: все запомнят этот момент. Он подчеркнуто бросил пустой бокал обратно на поднос и, не глядя на официанта, добавил:

— Научись держать себя в руках, парень. Здесь не столовка.

Официант сжал губы, склонил голову и отошел. В толпе зашептались. Влад ощутил прилив знакомого удовольствия — власть работает, ее чувствуют, и он умеет ей пользоваться.

Алина сделала вид, что занята телефоном, хотя на экране горел черный экран блокировки. Она не хотела

смотреть мужу в глаза — знала, что он все равно прочтает в них упрёк.

Влад поправил запонки, повел плечами и усмехнулся.

За несколько часов до благотворительного вечера

В другой части города, вдали от сияющих люстр и музыки, хлопнула входная дверь квартиры. Лариса в спешке стянула с плеч шубу и швырнула ее на диван. На полу стоял раскрытый чемодан, в нем хаотично сваленные вещи — блузки, духи, пара коробок с обувью.

— Ты что, с ума сошла? — голос Мельникова гремел из спальни. — Решила опять закатить спектакль?

Лариса металась между шкафом и чемоданом, срывая вешалки, роняя туфли. В руках у нее дрожала пачка долларов, которые она попыталась затолкать в боковой карман.

— Мне плевать, — ответила она не оборачиваясь. — Я не собираюсь слушать твои унижения.

Мельников появился в дверях — рубашка нараспашку, лицо красное от злости. Он шагнул ближе, поднял руку, будто хотел схватить ее за плечо, но остановился. Словно сам себе сказал: «Не стоит».

— Ты думаешь, без меня ты кто-то? — произнес он тихо, но каждое слово било сильнее крика. — Ты прожила всю жизнь за чужой счет. Мужчины, деньги, связи. Ты — пустое место, Лара.

Лариса застыла. На секунду ее глаза блеснули влагой, но тут же потухли. Она резко захлопнула чемодан, застегнула молнию и подняла его с пола.

— Пустое место, говоришь? — голос ее был глухой, но ровный. — Зато я знаю, кем ты себя почувствуешь, когда останешься один.

Она протиснулась мимо него и вышла в коридор. Дверь хлопнула так, что в прихожей задребезжало зеркало. На лестничной площадке пахло кошачьим кормом и мытым ковролином. Лариса, согнувшись под тяжестью чемодана, спустилась вниз.

На улице было сыро. Мимо проехало такси. Она подняла руку, и машина остановилась. Чемодан с грохотом влетел в багажник. Лариса опустила на заднее сиденье,

глядя в окно, где светились окна квартиры Мельникова. Лицо ее было каменным.

...

Тем временем в зале благотворительного вечера Влад поднимал бокал шампанского. Вокруг уже сменился фон: кто-то танцевал, кто-то хохотал над анекдотом. Влад стоял в центре своего круга, плечи расправлены, взгляд спокойный и чуть презрительный.

— Ну что, господа, — произнес он, поднимая бокал, — за тех, кто умеет держать лицо, когда остальные теряют его.

Смех, звон бокалов, аплодисменты. Влад сделал плоток, чувствуя, как пузырьки жгут язык. Он смотрел в зал — и был уверен, что это его территория, его мир, его пьедестал.

Он не знал, что именно в эту минуту его мать сидит в такси с чемоданом на коленях, и каждый поворот колес уносит ее все дальше от того человека, ради которого она много лет терпела унижения.

Он не знал, что сейчас, под тост о «держании лица», в его собственную жизнь уже вплетаются трещины, которые невозможно будет скрыть никаким костюмом.

Влад усмехнулся, отставил бокал на поднос, поправил твердый манжет.

— Жизнь удалась, — сказал он тихо, самому себе, и пошел дальше по залу.

Глава 2. Похмелье и претензии

Голова гудела так, будто в висках поселился мотор и кто-то завел его на полную мощность. Влад открыл глаза и тут же поморщился: резкий солнечный свет пробивался сквозь шторы, которые Алина накануне вечером так и не закрыла. Он перевернулся набок, но подушка не спасала — в голове шумело, в горле пересохло. На прикроватной тумбочке стоял бокал с остатками вина, густой, темный осадок блестел на дне.

На ковре валялся его пиджак, на стуле — модный галстук, словно повешенный. Туфли остались у входа, и Влад смутно помнил, как, шатаясь, добрался до спальни.

Алина уже была на ногах. Он услышал шелест платья, звон косметички, щелканье кисточек. Она сидела перед зеркалом, склонившись вперед, и выводила стрелку на веке с такой сосредоточенностью, словно готовилась к съемке, а не к ленивому воскресному завтраку.

— Воды... — прохрипел Влад, садясь на постели. — Налей мне воды.

— Рядом бутылка, — не оборачиваясь, ответила она. Голос ее был свеж, даже бодр, в отличие от его сиплого.

Влад схватил пластиковую бутылку, вяло открутил крышку и сделал несколько глотков. Вода казалась ледяной, хоть стояла всю ночь.

— Опять напился так, что еле дошел, — сказала Алина, закончив стрелку и перешедшая к помаде. — Ты видел себя в зеркале?

— Это был благотворительный вечер, — Влад поднял голову, морщась от света. — Ты думаешь, я могу позволить себе выглядеть усталым?

— Ты выглядел не усталым, — она повернулась к нему, и в глазах ее блеснула насмешка. — Ты выглядел как хищник, который, наконец, нашел повод укусить. Все это заметили.

Влад пожал плечами, но внутри что-то кольнуло.

— Они должны видеть, кто здесь главный, — буркнул он. — Если кто-то не умеет держать бокал ровно, пусть работает в столовке, а не на благотворительном вечере.

Алина встала, подошла к комоду, достала маленький чемоданчик, куда обычно складывала белье и кремы, если предстояла поездка. Она поставила его на кровать и открыла.

— Куда это? — Влад нахмурился.

— В отпуск, — спокойно ответила она. — Я больше не собираюсь слушать твои лекции. Ты сам обещал: «После квартала — Мальдивы, либо Бали». Прошел квартал. Где билеты? Где бронь?

— Я разберусь, — Влад потянулся, но в глазах все плыло. — Сейчас не время.

— Не время? — Алина резко закрыла чемодан, хлопнув крышкой. — У тебя всегда не время. Но на вечеринки и шампанское время есть.

Влад хотел что-то ответить, но шум в голове стал невыносимым. Он опустился обратно на подушку и зажмурился, надеясь, что она уйдет в ванную и замолчит.

Алина, однако, не двинулась. Она смотрела на него сверху вниз, и в ее взгляде было не сочувствие, а усталость.

— Ты все еще думаешь, что весь мир обязан тебе, — сказала она тихо. — Но скоро поймешь: никто никому ничего не должен.

Она отвернулась, достала из шкафа легкое платье и пошла в ванную, захлопнув за собой дверь. Влад остался лежать, слушая шум воды и собственное сердце, колотившееся так, словно хотело вырваться наружу.

Вода шумела дольше обычного. Влад успел подняться, поискать таблетки от головы — безуспешно, аптечка оказалась пустой. Он стоял у окна, курил, хотя еще вчера обещал себе бросить.

Когда Алина вышла, она сразу подошла к чемоданчику, начала складывать вещи.

— Ты серьезно? — спросил Влад, выпуская дым. — Просто так?

— Просто так, — ответила она холодно. — Ты думаешь, я буду ждать, пока ты разберешься с «важными делами»? Сколько можно?

